

Глава XXIX

Встреча и признание

Свежий блестящий рассвет в Клоистергэме; небеса одеваются в самую праздничную свою голубую одежду, деревья тихо перешёптываются изумрудными листьями, гибко сгибаемая густые ветви свои под лёгким порханьем весёлых, звонко щебечущих птичек; и всё оживает в просыпающейся природе, всё шевелится, приготавливаясь встретить с торжественным единодушием восходящего Царя своего. Не в пример другим, могущественный Владыка сей не заставляет себя долго ждать. Мгновенно вынырнув из своей роскошной восточной постели, он раза два выглядывает из-за прозрачных занавесей и, весело улыбнувшись ожидающим, разом плавно и мерно подымается, озаря старинный городок такими блестящими волнами света, что всё, начиная от закоптелой старой Башни его и до знакомого нам грязного переулка кажется подновленным и свежим в этих лучах.

Быть может, что наша старая приятельница Принцесса Курилка также пожелала встретить солнце в это утро вместе с остальной природою и что именно с этой целью она и поднялась с зарей, принарядившись получше и умыв лицо и руки, почти отвыкшие уже от подобной роскоши. С похвальным желанием узнать несколько более о причинах, побудивших её проснуться с ласточкой, мы последуем за нею, в то время как она сходит с своей грязной лестницы и, достигнув до вокзала, садится в вагон, увозящий её в Клоистергэм.

Приехав благополучно до места назначения, она осторожно осматривается по сторонам, как бы желая убедиться, что за ней не подсматривают, и, уверясь в безопасности, направляется к старому городу вдоль реки. Проходя мимо грязного переулка, она замечает на дороге двух детей, мальчика и девочку, и, не останавливаясь взглянуть на них, спешит далее; но девочка, желая перейти дорогу, тихо проходит перед самыми ее глазами и старуха невольно взглядывает на неё. Что это за странная перемена такая делается с Принцессой так внезапно? Почему бледнеет она, остановившись как вкопанная, пристально рассматривая ребенка такими жадными глазами, что бедное дитя, испугавшись этого взгляда, дрожит и прячется за мальчика?

«Как тебя зовут, мой ягнёночек?» – ласково спрашивает её старуха, не спуская с неё глаз.

Девочка молчит и прячется еще более.

«Не бойся меня, дитячко мое, – продолжает Принцесса с странным блеском в ее потухших подслеповатых глазах. – Я не трону тебя, дорогая моя, за всё золото и серебро в Английском Банке... Я люблю добрых девочек, а ты, я знаю, что добрая да хорошая... Ну как же тебя зовут, моя красоточка?»

Девочка робко поднимает свои большие голубые глаза на странную старуху и, всё еще прижимаясь к мальчику, отвечает:

«Бетси».

«Бетси!» – как эхо вторит Курилка и тихо горестно шепчет про себя это имя, кивая дрожащей головой утвердительно, как бы повторяя себе, что она так и знала наперед.

«Бетси, Бетси, – продолжает она расспрашивать, – хорошенькое имя, ласточка, очень хорошенькое, но ведь к нему есть и другое... А?»

«Есть», – отвечает малютка, опуская глаза перед этим пытливым, проницательным взглядом старухи.

«Ну, а какое же оно есть?.. Какое же оно такое?»

«Пэдлар».

Услышав ответ, Принцессой овладел такой раздирающий пароксизм кашля, что дети перепугались не на шутку, ожидая с каждой минутой увидеть её мёртвой на дороге: но она мало-помалу оправляется и, с трудом переводя дыхание, вновь начинает допрашивать.

«Ну, а скажи мне, золотая моя, где же вы живете?»

«Здесь, недалеко».

«С кем же ты живёшь... не с бабушкой ли?»

Услышав от старухи подобное семейное обстоятельство, почему-то столь известное ей, девочка спрашивает в свою очередь, «знает ли она ее бабушку?».

«Знаю, родная моя, знаю, лучше даже, чем ты знаешь её сама; лучше, чем весь Клоистергэм. Покажи же мне, где ты живёшь, и я скажу тебе спасибо за то!»

Обе направляются к развалившемуся дому в грязном переулке, и Принцесса Курилка опять пугает ребёнка фантастическими кривляньями и грозно сжатыми кулаками, угрожающими чему-то невидимому, бормоча всё время про себя странные слова, в которых девочка может только расслышать прерванные восклицания о чьей-то смерти, о тайнах и фразе «она не ждёт меня».

Войдя в комнату, они находят Мистрисс Педлар отдыхающую в дырявом кресле за починкой столь же сильно дырявого белья. Не ожидая посетителей, эта почтенная лэди не тотчас подымает голову, так как она принимает входящих за одну Бетси, но услышав голос малютки, объявляющей ей о визите, мегера быстро повёртывает грязно-бледное лицо своё с сердитым приветствием:

«Черт бы побрал эту девчонку; кого она там еще притащила!»

«Полли Пэдлар! – восклицает Принцесса. – Полли Пэдлар! Никогда не думала я, чтобы вы могли так скоро забыть старых друзей своих! Неужто так изменилась я аль уж так крепко постарела за все эти долгие годы горя, что вы и узнать меня не можете?»

Вскочив со стула, Мистрисс Пэдлар подходит ближе, всматриваясь с любопытством в неожиданную знакомую, но всё-таки не узнает.

Ее Высочество молча снимает огромную шляпу, скрывающую почти совершенно всю верхнюю часть лица ее и с которой она редко расстаётся, и является перед Мистрисс Пэдлар в более натуральном виде.

Всмотревшись еще внимательнее в это старое морщинистое лицо, Мистрисс Пэдлар колеблется – и потом вдруг, подняв руки над головой, восклицает:

«Господь сохрани и спаси нас! Это не Мистрисс Трэндерс¹ передо мною стоит, нет, это, должно полагать, ее *предвиденье*²!..»

И если бы действительно перед глазами этой престарелой лэди явилось привидение Принцессы, то она не более бы испугалась.

«Не пужайтесь так, Полли, не пужайтесь. Вам нечего от меня бояться. Долго искала я вас всюду, так желательно мне было посмотреть на девчонку, да не могла добиться ничего о вас; так я и положила было уж себе в уме, что, видно, уж дитё померло и что давным-давно и схоронили-то её, как и бедную мать ее».

«Ну, признаюсь, не ожидала я такого *сюрприза*³... – начинает Мистрисс Пэдлар, едва опомнившись. – А мы все думали так, что вы, должно быть, беспременно померли где на дороге, когда вы так странно, Господь вас знает, куды исчезли! Так мы было уж и решили это дело, а выходит, что нет... Как же вы нашли-то нас?..»

При этом вопросе старухой овладевает снова вся ее хитрая осторожность. Надев снова на голову шляпу, которая так изменяет её всю, она опять становится Принцессой Курилкой и, усевшись, отвечает обыкновенным своим плаксивым тоном:

«Ой, ой, ой, моя дорогая, то-то и есть оно. Как нашла я вас? Судьба, мои милые, всё одна судьба. Я крепко болела всё это время, и такой-то уж душит меня кашель, такой страшный кашель, что я и сказать не могу; вот затем я и приехала сюда, для перемены воздуха значит, думая, что авось полегче станет. Иду я вот по улице, так себе, куды глаза глядят, да и вижу девочку; так и ёкнуло сердце, как поглядела я на неё. Бетси, говорю я себе, беспременно Бетси сама, коль глаза не обманывают на старости. Ведь вылитая мать. Вот и спросила я её, чтобы разузнать имя, а как сказала она мне его, так я и подумала, давай-ка схожу к старым приятелям. Давно, давно не видала я её, да всё-таки сейчас же узнала. Не похоже что-то, чтоб могла я забыть её...» – добавляет она шепотом.

«Еще бы, Мистрисс Трэндерс, да оно и понятно; с каждым днём девочка всё более становится похожей на покойницу».

Молча, но внимательно слушает разговор двух старух маленькая Бетси. Много понятливее прочих детей ее возраста, она довольно слыхала для того, чтобы смекнуть, что посещение

---

¹ Англ. Tranders.

² приведение (*искаж.*).

³ сюрприз (*искаж.*).

Принцессы касается более до нее, нежели до «бабушки» ее. Инстинктивное чувство нежности, непонятное еще для этого ребёнка, влечёт её к старухе и ей является мысль, что это потому, что она знала её мать.

Долго и пристально рассматривает её Принцесса, глядя морщинистой рукой волосы Бетси, и вдруг, надвигая еще более вперед свою шляпу, она отворачивается, чтобы скрыть от неё разом хлынувшие слёзы, и тихо замечает старой Мистрисс Педлар:

«Ни одной слезинки не пролила я со дня смерти ее матери, но теперь-то, глядя на неё... так и вспоминается невольно всё это старое горе... Не могу... не могу я стерпеть!..»

И, закрыв лицо руками, несчастная женщина заливается горячими слезами. Так долго и горько рыдает она, что, наконец, плач переходит в истерическое состояние и всё тело её дрожит и извивается как бы под бременем невыносимой муки.

Тяжело смотреть на слёзы старого человека. Когда мы видим здоровых и молодых людей, горе которых изливается в плаче, мы невольно чувствуем, что сила юности поддержит их, а⁴ время залечит самые горькие раны; но старики не могут иметь этого утешенья впереди и их душевные раны не так легко заживить; молча грызут они любящее, не забывающее сердце и сходят с ним в могилу.

Бедная маленькая Бетси, видя эти горючие слёзы Принцессы, не может удержаться по примеру всех других детей и заливается сама слезами без всякой видимой на то причины, а Мистрисс Пэдлар находится в неприятной нерешительности насчет того, что должна ли она присоединиться к ним и также пролить несколько слёз для приличия, или же послушаться внутреннего голоса, советующего ей вскочить и, схватив Бетси за волосы, вытолкать эту «плаксу» за дверь.

Принцесса Курилка кладет конец этому колебанию, отерев слёзы и успокоившись, объявляя при этом, что теперь она чувствует себя лучше, как *нарevelась* за десять лет.

«Видаете вы *его* когда-нибудь?» – таинственно вопрошает она Мистрисс Педлар.

«Не очень часто. В Лондоне-то он еще приходил было когда, хотя, по правде сказать, и там-то немного было пользы от него, так как трудно было выжать у него даже на одёжу девчонке, а здесь-то так и совсем почти носу не показывает. А вы встречались ли с ним когда-нибудь, Мистрисс Трэндерс?»

«Чаще, чем он сам подозревает, дьявол ненавистный. Да, да, – добавляет она с страшной усмешкой на ввалившихся губах, – он и не подозревает-то ведь, Полли, что посещает *меня*; и хоть много лет прошло с того дня, а я узнала его тотчас же, как только он вошел ко мне в первый раз в прошлом году. А *меня-то* он и не узнал...»

«Куда же вы отправились тогда, как, не сказав ни словечка, ушли?»

«Это долго было бы рассказывать, Полли, да и не стоит. Может, вам приятнее будет знать, что со мною случится в следующие шесть месяцев, чем слышать о том, что прошло в эти пять лет».

Достойная Педлар вопросительно взглянула на неё, видимо, не совсем ясно понимая.

«Не думайте, – продолжала Принцесса, не замечая этого взгляда, – чтобы я жила себе на свете так, без цели. Нет, сударыня, есть у меня одна цель, и хорошая, только не для всякого».

«Ну, а чем же вы живёте, Мистрисс Трэндерс?» – решается спросить родительница Фопперти, смутно составляя себе какое-то неясное предположение, что вот-вот, да и поселится с ними жить их старая приятельница, так что и не отвяжешься от нее.

«Бог с вами, Полли, я торгую теперь: завелась своей собственной торговлей, да еще какой выгодной-то! Мало кто лучше меня понимает это дельце. У меня свои постоянные гости-покупатели; теперь нечего бояться, что останусь без гроша. Ну, а как давно вы здесь, Полли?»

«Да вот скоро три месяца будет, – весело отвечает Мистрисс Педлар, успокаиваясь насчет неприятного подозренья. – Всё Фопперти штуки. Вишь ты, не пондравилось в Лондоне».

«А Фопперти здесь, моя милейшая?» – допрашивает Принцесса с возвращающимся лукав[в]ом в глазах и самым сладким голосом.

---

⁴ Далее зачеркнуто: *что*.

«Уж лучше и не спрашивайте; он себе ездит то туда, то сюда, как и прежде, – и нечего беспокоиться, не очень-то он много расскажет родной матери о своих делах!.. Кто его знает, где он теперь; где-то в Лондоне, кажется».

И мгновенно почувствовав себя оскорбленною в этом сыновнем недоверии, Мистрисс Педлар принимает огорченный вид, приготавливаясь излить свои семейные горести в лоно старой приятельницы. Но Принцесса не обращает на это вниманья и встает, замечая, что ей пора идти.

«Так кланяйтесь же вы ему, когда увидите, от тётки Трендерс, так и скажите ему. Проводи-ка меня до улицы, мой цыпленочек», – говорит она, обращаясь к Бетси, и удаляется, попрощавшись с Мистрисс Педлар, которая еще более оскорбляется этим невниманьем к семейным ее неприятностям, и, видя, что ей не удастся изложить их в откровенном разговоре, холодно расстается с старой знакомой.

Дойдя до поворота переулка, Принцесса садится на ступени и, привлекая к себе девочку, шепчет ей на ухо, оглядываясь подозрительно кругом:

«Скажи мне, золотая, счастлива ли ты с ними?»

Бетси, глаза которой наполняются слезами, не отвечает сперва, но чувствуя инстинктом, что вопрос старухи не сделан из одного любопытства, отвечает ей, отрицательно качнув головкой.

«Как же так, голубка, почему нет?»

«Как могу я быть счастливой, – говорит ребёнок, – когда нет у меня ни мамы, ни брата, ни сестры, которые бы любили меня? Что такое сделала я Богу, чтобы быть такой несчастной? Часто, часто, ложась вечером спать, прошу я Его, чтобы Он позволил мне не просыпаться. А иногда и совсем не могу заснуть и лежу с открытыми глазами, раздумывая, как должно быть страшно так жить одной и нелюбимой до самой старости и сделаться старой, старой, а всё быть несчастной. Нет, не счастлива я здесь и лучше мне умереть».

Ни слёз, ни детского горя не заметно на этом ребяческом личике во время этого ответа. Холодно и спокойно говорит эта семилетняя девочка про свое положение и, замолчав, вперяет свои задумчивые глаза, полные сосредоточенной грусти, вдаль.

Бедная маленькая Бетси! Не единственный ты пример детей твоего возраста, которых так рано и странно развила лютая нищета! Голод, холод и часто незаслуженные побои выпадают вам на долю, несчастные, брошенные дети, безвинно страдающие за грехи других! Десятки тысяч крошечных мучеников несут до могилы в своих маленьких сердцах подобные горькие чувства одиночества и равнодушия к жизни. Бог да поможет вам, невинные страдальцы; всё более и более размножаетесь вы, как всё более и более свет отвертывается от вас; несите же крест свой и надейтесь на одного Его, Который Один может помочь вам!

«Ох, ласточка ты моя, ласточка! Разбиваешь ты в кусочки всё сердце старухи, говоря так жалостливо, инда⁵ мороз по коже подирает, слушая тебя, дитятко; и где это научилась ты рассуждать так понятно, словно взрослая какая? – говорит ей Принцесса, уныло качая седой головой. – По правде сказать, ты всегда была такая и, быв младенцем ещё, выглядывала уж старухой... Должно быть, уродилась уж ты такой, стало и не мудрено оно. Не тоскуй, ягнёночек мой, не тоскуй, даст Бог, скоро лучшие времена настанут. Разве Педлары обижают тебя, моя ягодка?»

«О, нет. Фопперти любит меня и ласкает; бабушка, так та иногда колотит меня, как напьётся, только не очень часто, так, раза два, три в неделю, – отвечает маленькая Бетси, которой, сравнительно с другими виденными ею случаями, число этих побоев кажется невеликим. – Только хотя бы она и вовсе не била меня, а все же я не могу быть весёлой, – так как что-то, не знаю сама что, мешает мне всегда и мне всё так хотелось бы плакать да плакать!»

«Эх ты, горемычная! – размышляет мысленно старуха, тяжело вздыхая. – Когда бы могла я помочь ей... Да только нет, нет, не могу еще – не время».

Обращаясь к ребёнку, она добавляет громко:

«Бетси, голубка, не забывай меня, старуху, и помни, что никого не люблю я на свете более тебя. Почему, когда-нибудь да узнаешь, когда время на то придёт. А теперь прощай, дитятко, пока».

---

⁵ так что даже (*прост.*).

И с этими словами Принцесса Курилка подымается со ступеней, чтоб идти. Неподвижно сидит девочка, оперев подбородок на руку и пристально, с серьезным выражением в глазах, следит она за старухой, стараясь разгадать, почему эта незнакомая женщина уверяет в своей любви её, которую никто не любит.

«Нет, – произносит, наконец, Бетси, – я не забуду вас, никогда не забуду, потому что вы, кажется, любите меня и я люблю вас тоже. Не знаю сама, почему. Может оттого, что вы говорили бабушке, что вы плакали, когда моя мама умерла, потому я, верно, и люблю вас».

При этом воспоминании о матери Бетси тяжёлый вздох вырывается из груди Принцессы, и она спешит окончательно проститься с девочкой, замечая:

«Однако, ласточка, мне пора и взаправду идти. Постараюсь скоро навестить тебя и не забуду⁶ я и твоего *интереса*⁷, когда придёт моё время рассчитываться с теми, что здесь еще, и с теми, что ушли – туда!» – говорит она, подымая морщинистую руку к Небу.

И она отправляется далее, обернувшись еще раз, чтобы взглянуть на Бетси, которая остается на ступенях и долго следит глазами за удаляющейся Принцессой.

Последняя быстро теперь направляется к Минор-Канонскому Углу, бормоча, по обыкновению своему, в припадке сильной задумчивости. Повернув с большой дороги, пролегающей мимо реки, она приближается уже к кладбищу, когда внезапное неприятное мяуканье раздаётся у ней почти под ногами и заставляет её вздрогнуть, прервав мгновенно все думы. Старуха, положительно убежденная в том, что как-нибудь нечаянно наступила на кошку, поддается назад, но, обернувшись, примечает свернувшегося в клубок и притаившегося среди дороги Депутата. Увидя себя пойманным, Чудовищный Младенец вскакивает на ноги с быстротою обезьяны, отбегает на несколько шагов и направляется оттуда снова к Принцессе, но только головою вниз, а ногами вверх. Приближаясь к ней таким оригинальным образом, маленький феномен издает во всё время такие нечеловеческие крики с таким оглушающим аккомпанементом визга и щелканья языком, что действительно начинает походить, скорее, на какое-нибудь баснословное животное, нежели на человеческое создание.

Но через несколько минут подобное путешествие оказывается немного утомительным, Депутат заменяет руки ногами и, перекувырнувшись еще раз в виде финала, является в натуральном своём образе перед старухой, которая, оправясь от этой внезапности, признает его окончательно. Рассердясь в первую минуту, она, однако же, сдерживается и обращается к чудовищу с своим обычно сладеньким задабривающим манером:

«Что это с тобой, мой ягнёночек, что ты так больно кричишь? Не здоров, что ли?»

«Эй – я – я! – рычит мальчишка. – Чего ты зовешь меня ягнёночком, старая? Эй – я – я!» – и смотрит на Принцессу, угощая её самыми отвратительными и необычайными кривляньями.

«Оттого, что ты и есть ягнёночек, мой миленький, почему же больше, сердечко мое?» – отвечает она.

«Ан врешь! Какой я твой ягнёночек? Ни ягнёночек я не твой, ни миленький; и *мотри*⁸ ты у меня, не смей обзывать в другой раз ягнёночком».

«Что ж, родимый, – отвечает примирительно Принцесса, – ведь это не бранное какое слово. А ты всё там же живёшь? В *Двухпенсовике*?.. А?»

«Нет, не там. Я живу за сто миль отсюда, да, вот оно что. Я *хе-мисар*⁹, который, значит, имеет здесь дела свои – торговлю, и как кончу их, то вернусь опять в свои *ва-ла-де-нии*¹⁰!»

«Как так, миленький?» – вопрошает старуха, не понимая.

«Да так, старая. Тебя вон ищет один человек».

«Ищет *меня*, золотой? – восклицает она. – А что бы им такое нужно было от меня?»

«И не знаю, и спрашивать не стану; поди да разгляди в оба буркула¹¹, так и узнаешь».

«Да кто же они такие? Как зовут их?»

---

⁶ Далее зачеркнуто: *тебя*.

⁷ интереса (*искаж.*).

⁸ смотри (*искаж.*).

⁹ эмиссар (*искаж.*).

¹⁰ владения (*искаж.*).

¹¹ Буркалы (*прост.*) – глаза.

«Не знаешь, ведь коль и назову? Дет-че-рей!»

«Каких таких дочерей?» – недоумевает еще Принцесса.

«Разве я сказал Дочерей, дура? Детчерей – имя его, значит. Идешь, что ли?»

«А где они живут, примерно?»

«Возле Кин-фри-драла¹², – отвечает Депутат, – и он мой сердечный приятель. Ковыляй вперед, а я за тобой, а когда дойдем, я подам голос».

Решившись следовать за мальчишкой, Принцесса, всё еще недоумевая, отправляется по направлению Минор-Канонского Угла, старуха открывая шествие, а Депутат следуя за ней в арьер-гарде; то и дело подымая по дороге камни и швыряя их во что попало, этот деятельный юный джентльмен не раз навлекает на себя в это непродолжительное путешествие брань прохожих, на которую он отвечает им не иначе, как становясь снова вверх ногами. Наконец, они приближаются к Дому у Калитки, и Депутат заливается в известной уже публике последней своей импровизации:

Чúде, чуде – чай,
Уинк, уинк, поз-дно – не гу-ляй,
Уйде, уиде чу,
Не то – я – не спу-щу!

Не успел он кончить последнего слова песни, как дверь «Дома у Калитки» растворилась и из нее вышел «праздный холостяк».

«Черт возьми! – думает этот джентльмен. – Судьба начинает баловать меня. Только что я думал об этой странной старухе, как вот и она сама».

Депутат, увидя Мистера Дэтчери, бежит к нему, крича во всё горло:

«Вот она, Ее Высочество, Детчерей!.. Её Высочество Принцесса Курилка собственной персоной; вот я и привёл её; теперь, стало быть, мы поквитались, и я не должен вам более ничего... Ур-ре!!»

И с этим шумным восклицанием, изображая обеими руками над головой своей что-то вроде быстро вертящейся ветряной мельницы, он исчезает в облаках пыли, поднимаемых¹³ его мелькающими в воздухе пятками, украшенными сапогами в лоскутьях.

Дэтчери подходит к старухе и начинает разговор следующим замечанием:

«Надеюсь, госпожа, этот юный негодяй не испугал вас своими дикими выходками? Он очень странный мальчик, надо сознаться в том, но всё-таки он никого не тронет и не обидит. Полагаю, что вы не совсем меня забыли?»

«Ох, нет... нет, добрый мой джентльмен, – и за этим с Принцессой делается, по обыкновению её, сильный припадок кашля, который мешает ей в продолжение нескольких минут отвечать; оправившись, она продолжает. – У меня страшный кашель, сэр, и бедные мои лёгкие совсем пропадают; он душит меня каждый раз, как я чего спужаюсь, а мальчишка-то было сильно напужал меня. Он сказал мне, что кто-то хотел повидаться со мной, – может он про вас-то и намекал, так как я забыла с перепугу и имя ваше, – а коль не вы, так не знаю уж, что и подумать, как мальчишки-то теперь не видать... Куда это он удрал, окаянный?»

Другой припадок, и Принцесса, вынув носовой платок, много лет уже раз[з]накомившийся с мылом, делает вид, что вытирает глаза, но пользуется этим случаем, чтобы бросить из-за него лукавый и проницательный взгляд на стоящего перед нею Детчери. Последний видит его, но делает вид, будто ничего не заметил:

«Вы правы, моя милая, совершенно правы; то был именно я, который желал видаться с вами, и знай я, где искать вас, то давно бы уже дал вам знать о желании моем. Но прежде, чем объясню вам почему, я хочу сделать вам один вопрос. Видались ли вы с тех пор с господином, которого вы, помните ли, искали в этот день, когда я встретил вас в Соборе?»

¹² Кафедрала (*искаж.*), то есть кафедрального собора.

¹³ Далее зачеркнуто: *им.*

«Коль сказать вам по правде, сэр, то нет, не встречала я его с того самого дня; а что, разве он был в отлучке с тех пор?»

И носовой платок снова оказывает ей помощь в виде ширмы, в то время как она разглядывает пристальным взором собеседника.

«Что до этого, то, право, не знаю, – отвечает Детчери, – может статься, что он отлучался куда-нибудь, а может быть, что и нет. Так как он обыкновенно не рассказывает мне своих дел, то я и не могу отвечать положительно. Об одном только осмелюсь попросить вас, моя добрая женщина, не скрытничайте со мною и не давайте себе труда предполагать совершенно иное, нежели что есть, стараясь угадать цель моего желанья увидеться с вами; и верьте, что я далеко не друг этому человеку. Я наверное знаю, что вы можете рассказать мне много кой-чего об этом человеке, так как, очевидно, знаете его лучше меня. Вот¹⁴ единственная моя цель, почему я желал видеться с вами; что касается до выгод, то они совершенно все до одной на вашей стороне, так как я не намерен скупиться в плате за те сведения, которые вы способны дать мне, – и это, во-первых, а во-вторых,¹⁵ если я не совсем еще дурак и хоть сколько-нибудь понимаю людей, то вы, ненавидя этого человека, – а я знаю, что вы ненавидите его, хотя мне неизвестно почему, – имеете превосходный случай найти полезного союзника во мне. И так, желаете ли вы довериться мне или нет? Подумайте и – отвечайте решительно».

«Кажется мне, что и решаться-то нечего, – отвечает задумчиво старуха. – И я немало видала людей на веку своём и кое-что таки понимаю в них. Сильные причины имею я не доверять никому, от первого до последнего, но *вам* я доверюсь. Голос-то ваш очень напоминает мне уж очень одного такого, которому бы я хоть сей час поверила всю жизнь свою, да только я знаю наверное к горю своему, что этот-то не заговорит со мною на этой земле и что его дорогого голоса я не услышу более».

Искренно при этих словах вздыхает Принцесса и объявляет, что она готова объяснить Детчери всё, что только он пожелает узнать. Холостяк не пропускает такого благоприятного случая. Объяснив ей, что самое удобное место для их переговоров их есть дом¹⁶ некоего третьего лица, которому он вполне доверяет, он ведёт её кратчайшей дорогой, через кладбище, к жилищу Минор-Канона¹⁷. Цель Дэтчери в этом выборе состоит в том, чтобы как можно действительнее убедить доброго Криспаркля в справедливости его подозрений, открыв перед глазами сего почтенного джентльмена хоть немного пока дно бочки, так как седовласый холостяк инстинктивно подозревает, что старуха уведомит их о чём-нибудь таком, что делает весьма мало чести Музыкальному Учителю.

Они находят «Преподобного» дома. Узнав о цели их посещения, Минор-Канон немедленно уводит их в свой кабинет, где они тотчас запираются. А так как грешно было бы подслушивать частный, хотя весьма интересный разговор этого импровизированного трио, то мы их и оставим так, пока снова не откроется дверь кабинета.

Проходит более часа. Раздается сильное восклицание и что-то похожее на женский вопль: дверь отворилась и из нее вылетает, не останавливаясь на крыльце и не простившись ни с кем, Мистер Дэтчери. Глаза его дико блуждают, а лицо смертельно бледно. Бешеными шагами пробегает он через пространство, разделяющее дом Минор-Канона от Калитки, и, очутившись в своей комнате,¹⁸ запирается на ключ, падая почти бездыханным на кресло.

---

¹⁴ Далее зачеркнуто: *вам*.

¹⁵ Далее зачеркнуто: *то*.

¹⁶ Далее зачеркнуто: *одного*.

¹⁷ Далее зачеркнуто: *жел*.

¹⁸ Далее зачеркнуто: *он*.